

О. И. ТОГОЕВА

ЖЕНЩИНА У ВЛАСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ (О ПОНЯТИИ “VIRAGO”)¹

Ключевые слова: Средние века; гендерная история; представления о власти и ее символизация; вираго.

Аннотация: В статье исследуется понятие женщины-“virago”, востребованного в средневековой историографии образа для легитимации власти женщин в патриархатном обществе. Как показывает автор, вторгаясь в мужской мир власти, женщины со времен раннего Средневековья и до наших дней вынуждены были символически «превращаться» в мужчину.

Приступая к описанию жизни и замечательных деяний Карла Великого Эйнхард, личный секретарь Людовика Благочестивого и наставник его сына Лотаря, не упустил, кажется, ни одной скольконибудь существенной для создания образа идеального правителя детали: он не забыл ни о достойных предках императора, ни о его славных победах и завоеваниях, ни о его личных качествах. В числе последних Эйнхард упомянул и скромность своего «господина и воспитателя» в том, что касалось одежды:

«Карл носил традиционную франкскую одежду. Тело он облачал в полотняные рубаху и штаны, а сверху [одевал] отороченную шелком тунику, обернув голени тканью. На ногах его были онучи и обувь, а зимой он защищал плечи и грудь, закрыв их шкурами выдр или куниц. Поверх он набрасывал сине-зеленый плащ и всегда подпоясывался мечом, рукоять и перевязь которого были из золота или из серебра. Иногда он брал меч, украшенный драгоценными камнями, однако это случалось только во время особых торжеств или же если пребывали чужеземные послы... В остальные дни его одежда мало чем отличалась от той, что носят простые люди»².

¹ Статья подготовлена при поддержке Американского Совета Научных Сообществ в области гуманитарных наук (ACLS Humanities Program).

² Эйнхард. Жизнь Карла Великого // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 7–34. § 23 (перевод М. С. Петровой).

Как полагает Дж. Нельсон, этот пассаж из «Жизни Карла Великого» мог представлять собой творческую переработку сочинения Светония «Жизнь двенадцати цезарей» (действительно бывшего одним из источников Эйнхарда), а точнее — его четвертой главы, повествующей о Гае Калигуле³. О манере этого императора в одежде *уподобляться женщине* римский историк писал с явным презрением:

«Одежда, обувь и остальной его обычный наряд был недостойн не только римлянина и не только гражданина, но и просто мужчины и даже человека. Часто он выходил к народу в цветных, шитых жемчугом накидках, с рукавами и запястьями, иногда в шелках и женских покрывалах, обутый то в сандалии или котурны, то в солдатские сапоги, а то и в женские туфли...»⁴.

Очевидно, что такая вольность была совершенно недопустима для монарха, и Эйнхард, по мнению Дж. Нельсон, обыграл этот мотив, описывая в высшей степени достойное облачение Карла Великого.

Впрочем, императора франков и императора римлян разделяли хорошие семь веков. В том же, что касается *неподобающих* правителю костюма и поведения у Эйнхарда могли найтись и более близкие по времени примеры: в частности, императрица Ирина, вдова Льва IV, регентша в 780–790 гг. при малолетнем Константине VI, а с 797 по 802 гг. — единоличная правительница Византии⁵. Насколько можно судить по дошедшим до нас византийским золотым монетам, Ирина приказывала изображать себя на них в церемониальных одеждах василевса: в императорском лоросе, со сферой в одной руке и с крестом-скипетром — в другой⁶.

³ Nelson J. Did Charlemagne have private life? (выступление на историческом факультете МГУ 21 октября 2005 г.). О писательской манере Эйнхарда: Сидоров А. И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006. С. 71–99 (там же — литература по теме).

⁴ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1993. С. 165. Кн. 4. § 52 (перевод М. Л. Гаспарова).

⁵ Об облачении константинопольского императора как о безусловном образце для подражания у франкских королей см.: Бойцов М. А. В шурах или в пурпуре? К облику варварских королей времен «падения» Римской империи // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян / Отв. ред. О. В. Дмитриева. СПб., 2007. С. 46–87.

⁶ Wroth C. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. L., 1908. 2 vol. № 10, Pt XLVI; Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in

Возможно, Эйнхард, ни слова не сказавший в своем труде об Ирине, в принципе не считал достойной упоминания женщину, захватившую императорский престол и отвергшую предложение Карла о браке и политическом союзе⁷. Возможно, однако, что он в принципе не видел — или не хотел видеть — в мужском одеянии императрицы ничего предосудительного. Ведь Ирина, будучи правителем Византии, и не могла выглядеть иначе. Узурпировав власть, она обязана была присвоить себе и ее символические знаки, а следовательно — до некоторой степени — *превратиться в мужчину*.

Женщины никогда не рассматривались средневековой традицией в качестве «настоящих» государей. То, что дела управления — удел мужчин, являлось устойчивым топосом того времени. Если же — в силу каких-либо причин — к ним подступала женщина, лучшей похвалой ей в устах хронистов становилось указание на то, что она осуществляет свои функции “*cum virilis audacia*”, “*viriliter*”⁸. Так, Св. Бернар, обращаясь к Мелисенде, королеве Иерусалима (1131–

the Dumbarton Oaks Collection. Washington, 1966–1973. 5 vol. Т. III. Pt. 1. P. 347–351. Pt. XV; *Nelson J. L.* Women at the Court of Charlemagne: A Case of Monstrous Regiment? // *Nelson J. L.* The Frankish World, 750–900. L., 1996. P. 223–242, здесь P. 228. Описание церемониальных одеяний василевса см.: *Грабар А.* Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 31–43.

Подробнее: *Васильев А. А.* История Византийской империи. Время до Крестовых походов (до 1081 г.). СПб., 1998. С. 356–359; *Classen P.* Karl der Grosse, der Papsttum und Byzanz // *Karl der Grosse / Hrsg. Von W. Braunsfels.* Düsseldorf, 1965. Bd. 1. S. 537–608, здесь S. 558–563; *Noble T. F. X.* The Republic of St. Peter. Philadelphia, 1984. P. 165–166, 176–181. Известно, что современники Карла Великого (свидетели его коронации в качестве императора на Рождество 800 г.) полностью оправдывали этот шаг, считая престол императора *вакантным*, т.е. не принимая в расчет «женское управление» Византией: “Et quia iam tunc cessabat a parte Graecorum nomen imperatoris, et *femineum imperium apud se abebant*, tunc visum est et ipso apostolico Leoni et universis sanctis patribus qui in ipso concilio aderant, seu reliquo christiano populo, ut ipsum Carolum regem Franchorum imperatorem nominare debuissent” (*Annales Laureshamenses / Hrsg. Von H. G. Pertz // MGH SS. Bd. 1. Berlin, 1826. S. 19–39, здесь S. 38. § XXXIII, здесь и далее курсив мой — О.Т.*).

⁸ *Hemptienne Th. de.* Women as Mediators between the Powers of Comitatus and Sacerdotium. Two Countesses of Flanders in the 11th and 12th centuries // *The Propagation of Power in the Medieval West / Ed. by M. Gosman, A. Vanderjagt, J. Veenstra.* Groningen, 1997. P. 287–299, здесь P. 287.

1153), писал: «Хотя вы и женщина, вы должны действовать как мужчина»⁹, а Кристина Пизанская призывала Изабеллу Баварскую, супругу и соправительницу Карла VI, «стать правителем и избавителем королевства от обрушившихся на него невзгод»¹⁰.

Женщина могла управлять и, в частности, управлять государством «по-мужски» хорошо или «по-женски» плохо. Именно так представлял себе дело анонимный автор «Лоршских анналов», писавший о правлении императрицы Ирины как о «женской империи» (*femineum imperium*)¹¹. Напротив, манера управления Феофано, регентши при малолетнем Оттоне III (980–1002), была названа Титмаром Мерзебургским «мужской», несмотря на «слабый пол» героини¹². Точно так же в заслугу Бланке Кастильской ставился решительный мужской характер: то, что «она укрепила сердце мужской отвагой и правила мудро, властно и справедливо»¹³. Правление Анны Французской (старшей дочери Людовика XI и Шарлотты Савойской), бывшей регентшей при малолетнем брате, Карле VIII, позволило современникам называть ее «королем Франции» и «наименее глупой» среди французских женщин¹⁴. «Больше, чем мужчиной» считал Елизавету I Тюдор верный ей Роберт Сесил, а ее воспитатель Роджер Эшам писал, что «ее ум лишен женской слабости»¹⁵.

Образ женщины-правительницы знаком нам и по литературным источникам, причем не только средневековым. Так, Тацит

⁹ Цит. по: *Honeycutt L. Female Succession and the Language of Power in the Writings of 12th — century Churchmen // Medieval Queenship / Ed. J. C. Parsons. N.-Y., 1993. P. 189–201, здесь P. 199.*

¹⁰ “Tres redoubtée dame, ne vous soit doncques merveille se à vous, qui au dit et oppinion de tous povez estre la medicine et *souverain remede de la garison de ce royaume* à present playé et navré piteusement et en peril de piz” (*Pizan C. de. Epistre à la reine / Ed. A. Kennedy // Revue des langues romanes. 1988. T. 92. № 2. P. 253–264, здесь P. 254.*)

¹¹ См. прим. 7.

¹² “Наес, *quamvis sexu fragilis*, modestae tamen fiduciae et, quod in Grecia rarum est, egregiae conversationis fuit regnumque filii eius custodia *servabat virili*, demulcens in omnibus pius terrensque ac superans erectos” (*Thietmar von Merseburg. Chronik / Neu ubertragen und erlautert von W. Trillmich. Darmstadt, 1992. IV, 10. S. 124–126.*)

¹³ *Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001. С. 537.*

¹⁴ *Varenes J.-C. Anne de Bourbon, roi de France. P., 1979.*

¹⁵ *Дмитриева О. В. Елизавета Тюдор. М., 2004. С. 41, 287.*

упоминал о легендарной британской королеве Боудикке, поднявшей в 61 г. восстание против римского господства, по поводу чего — как кажется, с легкой издевкой — замечал: «У бриттов воевать под командованием женщины — обычное дело»¹⁶. Героиня «Песни о Нибелунгах» Брюнхильда, вызвавшая любовь Гунтера, имела репутацию не только красавицы, но и истинного воина¹⁷. Не менее примечателен и образ Камиллы — *rex femineus Vulcane* — которую анонимный автор «Энея» описывал как «короля при свете дня»¹⁸, и которая погибала в сражении, как подобает рыцарю¹⁹.

Управление могло стать делом женщины не только в масштабах государства, но и, к примеру, в масштабах одного монастыря. И тем не менее, ее деятельность на этом посту оценивалась окружающими с тех же самых позиций. Так, о правлении Сюзанны Реймской, современницы Св. Ремигия, во вверенном ей аббатстве Флодоард писал как о «мужском», а следовательно, как о чрезвычайно удачном²⁰. Близким к управлению монастырем оказывалось, как представляется, и исполнение сугубо мужских функций проповедника, которые иногда — правда, очень редко — принимала на себя та или иная выдающаяся женщина. Свидетельством тому служила история Марии Магдалины (XI в.), проповедовавшей, но затем вынужденной (в силу именно гендерного несоответствия) передать де-

¹⁶ “Boudicca curru filias prae se vehens, ut quamque nationem accesserat, solitum quidem Britannis *feminarum ductu bellare tastabatur*” (*Cornelii Taciti libri qui supersunt / Quartum recognovit C. Holm. Lipsiae, MCMV. T. 1: Libros ab excessu divi Augusti continens. S. 301. XIV, 35*).

¹⁷ «Царица королева на острове морском, / Была она прекрасна и телом, и лицом, / Но женщины сильнее не видел мир досель. / Она могла, метнув копье, насквозь пробить им цель» (Песнь о Нибелунгах // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 396, перевод Ю. Корнеева).

¹⁸ “Lo jor ert rois, la nuit raïne” (*Enéas: Roman du XIIe siècle / Ed. par J.-J. Salverda de Grave. P., 1925. V. 3977*).

¹⁹ О женщинах-правителях, имевших, скорее, легендарное происхождение, подробнее см.: *Portmann M.-L. Die Darstellung der Frau in der Geschichtsschreibung des fruheren Mittelalters. Basel, 1958. S. 10–24; Kellermann-Haaf P. Frau und Politik im Mittelalter. Untersuchungen zur politischen Rolle der Frau in den hölischen Romanen des 12., 13. und 14. Jahrhunderts. Göppingen, 1986. S. 297–306.*

²⁰ “Quae sub tutela beati Remigii puellari praerant congregationi, *femina virilis animi, virago profundi consilii, consiliatrix altioris ingenii*” (*Flodoardi. Historiae Remensis Ecclesiae Libri quatuor // PL. T. 135. Col. 23–328, здесь Col. 85*).

ло в руки своего брата Лазаря «для достойного исполнения»²¹. Другой проповедницей, взявшей на себя заведомо мужской труд, была сестра Марии Магдалины, Св. Марта²², с проповедью которой «мало кто уходил неверующим»²³, поскольку в ее «женском теле жил поистине мужской дух»²⁴. Сюда же можно отнести Кунихильду, тетку Св. Луллия, епископа Майенса (VIII в.), «с мужской душой и доблестью» пришедшую ему на помощь в деле евангелизации²⁵.

Достойное поведение во время паломничества в Святую землю, расценивавшегося современниками, скорее, как мужское, нежели как женское дело, также могло принести женщинам, рискуя отправиться в Рим или в Иерусалим, славу «настоящих мужчин». Так описывал своих попутчиц Феликс Фабри, немецкий монах, совершивший два путешествия в Иерусалим между 1480 и 1483 гг. Он писал, что «пожилые дамы» держались в пути «лучше, чем мужчины и доблестнее, чем рыцари», и что «они сделаны из железа и сильнее всех нас, рыцарей»²⁶.

Уделом женщин порой оказывалось и участие в войнах или в вооруженных конфликтах, по определению не предусматривавшее

²¹ “Ad peragendum illus operum idoneus” (Sermo de Sancta Maria Magdalena / Ed. B. de Gaiffier // *Analecta Bollandiana*. 1951. Т. 69. Р. 131–147, здесь Р. 146).

²² Истории о ней были особенно популярны в южных областях Франции в XII в.: Nelson J. L. *Women and the World in the Earlier Middle Ages* // Nelson J. L. *The Frankish World*. Р. 199–221, здесь Р. 219–220.

²³ “Vix, vel nunquam, inveniebatur aliquis, qui ab earum praedicatione incredulus recederet, vel sine fletu” (*Beati Rabani Mauri De vita Beatae Mariae Magdalena et sororis ejus Sanctae Marthae* // PL. Т. 112. Col. 1431–1508, здесь Col. 1496).

²⁴ “Quibus illa non insolenter abusa, sed in “femineo” pectore “virilem” gerens “animum”, liberaliter est usa” (Ibidem. Col. 1433).

²⁵ “Inter has erat et matertera beati Lulli virilis admodum animi et masculae virtutis femina, nomine Cunihilt cum filia sua, quae, excepto virginitatis privilegio, scientia quoque et morum gravitate matrem oequabat” (*Lambert d’Hersfeld. Vita Lulli* // MGH, SS. Т. 15. L. I. S. 136).

²⁶ “Sed in his omnibus comperegrinae et sociae nostrae annosae vetulae antecederant nos, praeripientes loca militum, et nec gemebant, nec conuerebantur de labore, sed fortiores viris et militibus adaciores primae in acie procedebant... istae autem sunt ferreae, cunctis militibus fortiores” (цит. по: Craig L. A. “Stronger Than Men and Braver Than Knights”: Women and the Pilgrimages to Jerusalem and Rome in the Later Middle Ages // *Journal of Medieval History*. 2003. № 29. Р. 153–175, здесь Р. 174).

активного вмешательства лучшей половины человечества. И снова в ход шли излюбленные топосы. «Устрашающее зрелище» представляла собой одетая в доспехи Гаита (Сигельгаита), супруга Роберта Гвискара, герцога Апулии, Калабрии и Сицилии, наравне с ним участвовавшая в военных операциях²⁷. «Вооруженной как рыцарь», «подобной деве Камилле» выглядела в своих доспехах во главе войска собственного мужа Изабель де Конш в описании Ордерика Виталия²⁸. «Одетая с ног до головы как мужчина» сражалась на полях Столетней войны Жанна д'Арк²⁹.

Как представляется, требования, которые предъявляли современники к таким женщинам, заставляли последних *сознательно* подстраиваться под заданные рамки. «Мужское» дело обуславливало соответствующее поведение, использование подобающих случаю — прежде всего внешних, легко считываемых — знаков нового общественного положения. Каковы же были эти знаки?

Прежде всего таким знаком становился *мужской костюм* той или иной достигшей власти женщины. Нам хорошо известно, сколь важную роль играла в средневековом обществе одежда человека, сколь точным отражением занимаемого им положения она всегда считалась. Любое изменение могло привести к окончательной или временной утрате социального или общественного статуса, и это касалось всех членов общества: как преступников, так и королей³⁰.

²⁷ «Отправившись в путь, Роберт прибывает в Гидруит и проводит там несколько дней в ожидании своей жены Гаиты, ибо и она обычно воевала вместе с мужем и в доспехах представляла собой устрашающее зрелище» (*Анна Комнина*. Алексиада. М., 1965. С. 85, перевод Я. Н. Любарского).

²⁸ “In expeditione inter milites, ut miles equitabat armata, et loricatis equitibus ac spiculatis satellitibus non minori praestabat audacia, quam decus Italiae Turni manipularibus virgo Camilla” (*Orderici Vitalis. Historiae ecclesiasticae* / Ed. par A. Le Prevost. P., 1845. Т. 3. P. 345).

²⁹ “Virili veste corpore et capite per omnia amictam, armis equisque munitam” (*Basin T. Histoire de Charles VII* / Ed. par Ch. Samaran. P., 1964. Т. 1. P. 134).

³⁰ О средневековой традиции раздевания или переодевания людей, преступивших закон, в момент их наказания см.: *Тогоева О. И.* «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 26–31, 282–298; *Мёглен Ж.-М.* «С веревкой на шее, с розгами в руках». Ритуал публичного покаяния в средневековой Европе // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории* — 2006 / Под ред. М. А. Бойцова и И. Н. Данилевского. Вып. 8. М., 2007. С. 120–154.

Эти последние, как кажется, во все времена любили игры в переодевание, подразумевавшие временное, реальное или символическое, сложение с себя полномочий. Иногда подобные «игры» имели весьма серьезные последствия. Ирландский король Лугайд, названный собственным шутом перед сражением «несомненно обреченным на смерть», поменялся с ним одеждой и тем самым спас свою жизнь³¹. Андроник I Комнин (1122–1185) в момент волнений плебса, избравшего новым императором Исаака Ангела, сбросил с себя пурпурные императорские одеяния, облачился в одежду «варвара», сел на галеру и отбыл в Милудий, где находилась его жена Агнесса (Анна)³². Французский дофин Карл, якобы поменявшийся костюмом с кем-то из своих придворных, не только смог убедиться в избранности явившейся к нему в Шинон Жанны д'Арк³³, но и породил неутраченные по сей день историографические споры об обстоятельствах этой встречи³⁴.

³¹ Михайлова Т. А. Осмысление и обозначение «судьбы» в древнеирландской мифопоэтической традиции // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев / Отв. ред. Т. А. Михайлова. М., 2005. С. 24–49, здесь С. 44.

³² «Когда же чернь разломала ворота, называемые Карейскими, и ворвалась во дворец, Андроник обращается в бегство. Сняв с ног пурпуровые сапоги и, как сумасшедший, сбросив с шеи крест, эту давнюю свою охрану, он надевает на голову варварскую шапку, которая, оканчиваясь острием, похожа на пирамиду, и снова вступает на царскую трибу, на которой приехал в большой дворец из дворца Милудийского» (*Никита Хониат*. История со времен царствования Иоанна Комнина. Рязань, 2003. С. 354).

³³ По сообщению секретаря Ларошельской мэрии: “Et quand elle fut arrivée au dit lieu de Chinon ou le roy estoit, comme dit est, elle demanda parler a luy. Et lors on luy monstra Monsr Charles de Bourbon, feignant que ce fust le Roy; mais elle dit tantost que ce n'estoit pas le Roy, qu'elle le cognestroit bien si elle le voioit, combien que oncques ne l'eust veu. Et apres on luy fit venir un escuier, feignant que c'estoit le Roy; mais elle cognut bien que ce n'estoit-il pas; et tantost après le Roy saillit d'une chambre, et tantost qu'elle le vit, elle dit que c'estoit il et luy dit qu'elle estoit venue a luy de par le Roy du Ciel, et qu'elle vouloit parler a luy” (*Quicherat J.* Une relation inédite sur Jeanne d'Arc // *Revue historique*. 1877. № 4. P. 327–344, здесь P. 335–336).

³⁴ Райцес В. И. «Свидание в Шиноне»: Опыт реконструкции // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2003 / Под ред. М. А. Бойцова и И. Н. Данилевского. М., 2003. С. 42–59; Тогоева О. И. Событие и его интерпретации: «свидание в Шиноне» // Диалог со временем. Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2008. С. 467–494.

Однако то, что для некоторых мужчин оказывалось минутной слабостью или прихотью, для женщин часто становилось определенной «программой действий». Уже правительница Египта Хатшепсут (1504–1482 гг. до н.э.) являлась перед своими подданными в мужском обличье. Ее статуи в храме Дейр-эль-Бахари, по мнению специалистов-искусствоведов, выполнены в виде «традиционной фигуры фараона»: в соответствующей одежде, с привязанной к подбородку бородой, в мужском парике и головном уборе хат с уреем³⁵. Точно так же в истории фракийской девушки Гиппархии, рассказанной Диогеном, особый упор делался на то обстоятельство, что, добившись от своих родных согласия на брак с бродячим философом-киником Кратетом, она надела мужское платье (в каком обычно ходили эти философы) и отправилась с ним странствовать и проповедовать (что, как уже говорилось, также являлось преимущественно мужским делом)³⁶. В императорском одеянии желала видеть себя запечатленной на золотых солидах упоминавшаяся выше Ирина, а также Лициния Евдоксия (437–455), дочь Феодосия II и супруга Валентиниана III. Среди инсигний, присвоенных ими, следует особо отметить крест-скипетр, символизировавший воинскую мощь василевса, его способность всегда одерживать победу над врагами — прежде всего, над неверными³⁷.

Интересно, что точно такой же крест-скипетр мы обнаруживаем в руках Христа, попирающего тварей (василиска, аспид, льва, дракона, змею) в типе *Christus militans*. Этот образ, по мнению специалистов, появился в Византии, а затем в империи Каролингов под непосредственным влиянием римской императорской иконографии³⁸. Не удивительно, что на единственном дошедшем до нас изображении *Virgo Militans* Дева Мария также представлена с крест-

³⁵ Померанцева Н. А. Искусство Древнего Египта // Малая история искусств. Искусство Древнего Востока / Под общ. ред. И. С. Кацнельсона. М., 1976. С. 199–342, здесь С. 286–287.

³⁶ Свенцицкая И. С. Греческая женщина античной эпохи: Путь к независимости // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1996. С. 74–102, здесь С. 88.

³⁷ Грабар А. Указ. соч. С. 32–33, 51–58.

³⁸ Там же. С. 242–243; Lewis S. A Byzantine “*Virgo Militans*” at Charlemagne Court // *Viator*. 1980. № 11. P. 71–110, здесь P. 81–91.

стом-скипетром и в облачении римского генерала³⁹. Как полагает американская исследовательница Сюзан Льюис, прообразом Богородицы как *imitatio Christi*, а точнее, *imitatio imperatorum* стали здесь как раз изображения императрицы Ирины, узурпировавшей власть правителя-мужчины⁴⁰. И основным знаком этой *присвоенной* власти являлось торжественное облачение василевса.

Не менее красноречивым оказывалось и использование мужских доспехов, в которых постоянно фигурировали легендарные и вполне реальные героини прошлого, принявшие на себя несвойственные им функции полководцев. Художники и поэты не могли представить себе богиню Афины без ее знаменитых шлема, щита и копья. Они всегда изображали предводительниц амазонок Гипсикратею и Пентесилею верхом на конях и в доспехах, а Брюнхиль-

³⁹ По мнению некоторых исследователей, образ *Virgo Militans* не прижился на средневековом Западе: *Philippart G. Le récit miraculaire marial dans l'Occident médiéval // Marie. Le culte de la Vierge dans la société médiévale / Etudes réunies par D.Iogna-Prat, E.Palazzo, D.Russo. P., 1996. P. 563–590, здесь P. 569–570. Противоположное мнение высказывал Клаус Шрайнер: Schreiner K. Maria. Jungfrau, Mutter, Herrscherin. Wien, 1994. S. 374–381.*

⁴⁰ *Lewis S. Op. cit. P. 79, 85–86.* Впрочем, речь здесь могла идти и не об узурпации власти, а об образе, восходящему к апокрифическому «Евангелию от Фомы», в котором Мария уподоблялась мужчине и в этом новом качестве могла рассчитывать на вечное спасение: «Симон Петр сказал им: Пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины недостойны жизни. Иисус сказал: Смотрите, я направлю ее, дабы сделать ее мужчиной, чтобы она также стала духом живым, подобным вам, мужчинам. Ибо всякая женщина, которая станет мужчиной, войдет в царствие небесное» (Евангелие от Фомы // Апокрифы древних христиан. Исследования, тексты, комментарии / Пер., комм., прим. И. С. Свенцицкой, М. К. Трофимовой. М., 1989. С. 262). Этот образ Богородицы-мужчины, по мнению Эвелин Патлажан, был хорошо известен средневековой культуре: *Patlagean E. L'histoire de la femme déguisée en moine et l'évolution de la sainteté féminine en Byzance // Studi medievali. 1976. Ser. 3. V. 17. Fasc. II. P. 597–623, здесь P. 607.* Возможно, именно под его влиянием в «Разъяснении семи видений из книги Апокалипсиса», приписываемом Амвросию Медиоланскому, встречаются такие строки: «Та же женщина, которая силой души побеждает дьявола, а также своими добрыми делами стремится стать любезной Богу, справедливо именуется мужем (*non incongrue vir vocatur*). Ибо, хотя телом она и женщина, силой души (*virtus*) равняется благим мужам» (*Expositio super septem visiones libri Apocalypsis // PL. T. 17. Col. 765–970, здесь Col. 877*).

ду — с ее великолепным оружием⁴¹. На этом фоне переодевание Жанны д'Арк в мужское платье, в подробностях описанное большинством лично знавших ее современников⁴², выглядит совершенно логично и сводит на нет споры, по сей день кипящие в историографии относительно «тайного смысла» подобного поступка⁴³. Становится понятно также, почему Елизавета Тюдор, явившаяся 8 августа 1588 г. в форт Тилбери подбодрить свои войска перед возможным нападением испанцев, восседала на боевом коне, сжимала в руках маршальский жезл и была облачена в доспехи⁴⁴. Вполне естественно выглядит и переодевание Екатерины II в гвардейский мундир в решающий момент переворота 28 июня 1762 г.:

«В сем новом наряде она села верхом у крыльца своего дома и вместе с княгиней Дашковой, также на лошади и в гвардейском мундире, объехала кругом площадь, объявляла войскам, как будто хочет быть их генералом»⁴⁵.

Помимо мужского платья Екатерина присвоила себе еще один атрибут своей новой власти — Андреевскую ленту, полагавшуюся только императору:

«Вскоре я заметила, что на ней была лента ордена Св. Екатерины и что она еще не надела голубой андреевской

⁴¹ «Хоть щит ее широкий из золота и стали / Четыре сильных мужа с наугой поднимали / И был он посредине в три пяди толщиной, / Справлялась с ним играючи она рукой одной» (Песнь о Нибелунгах. С. 408).

⁴² См., например: “Et petiit sibi idem testis iterato si cum suis vestibus vellet ire; que respondit quod *libenter haberet vestes hominis*. Et tunc idem testis de famulis suis tradidit sibi vestes et calceamenta, ad induendum; et hoc facto, habitatores dicte ville Vallis Colore fecerunt sibi fieri vestes hominis et calceamenta, ocreas et sibi necessaria...” (Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc / Ed. P. Duparc. T. 1. P., 1977. P. 290). Подробнее о мужском костюме Жанны д'Арк см.: *Hartmand A. Jeanne d'Arc. Ses costumes, son armure. Essai de reconstitution*. P., 1929.

⁴³ *Райцес В. И.* Жанна д'Арк. Факты, легенды, гипотезы. Л., 1982. С. 93–105; *Крылов П. В.* Мужской костюм Жанны д'Арк: неслыханная дерзость или вынужденный шаг? // *Одиссей. Человек в истории — 2000. История в сослагательном наклонении?* М., 2000. С. 186–193; *Тогоева О. И.* Мужской костюм Жанны д'Арк и его возможные символические смыслы // *Historia animata. Сборник статей памяти О. И. Варьяш*. М., 2004. С. 156–168.

⁴⁴ *Дмитриева О. В.* Указ. соч. С. 174–175.

⁴⁵ *Рюльер К.-К.* История и анекдоты революции в России в 1762 г. // *Россия XVIII в. глазами иностранцев*. Л., 1989. С. 296 (курсив мой — О.Т.).

ленты. Подбежав к графу Панину, я попросила его снять свою ленту и надела ее на плечо императрицы»⁴⁶.

Не менее важными, чем костюм, оказывались для восприятия женщины как истинного правителя и некоторые *инсигнии*, присваиваемые ею. Выше уже упоминались крест-скипетр императриц Лицинии Евдоксии и Ирины, идентичный скипетр Девы Марии на костяной дощечке из Ахена. Сюда же относились меч и знамя Жанны д'Арк⁴⁷, маршальский жезл Елизаветы I и Андреевская лента Екатерины II. Следует упомянуть и такой важный, с символической точки зрения, знак как наличие у правительницы *белого коня* — верного признака императорской, папской или королевской власти⁴⁸. Из «Хроники» Феофана нам, к примеру, известно, что на Пасху 799 г., разоблачив направленный против нее заговор и приказав ослепить его организаторов, императрица Ирина продемонстрировала свою силу, появившись на публике в золотой колеснице, запряженной четверкой белых коней⁴⁹. Белый конь якобы служил отличительным знаком и Жанны д'Арк: согласно некоторым авторам, верхом на нем она совершила торжественный въезд в осажденный англичанами Орлеан, а затем освободила город⁵⁰. Елизавета Тюдор, как кажется, вообще садилась только на белых коней. Так было в ноябре 1558 г. во время ее торжественного въезда в

⁴⁶ Дашкова Е. Записки 1743–1810 / Подготовка текста. Статья и комментарии Г. Н. Моисеевой. Л., 1985. С. 43–44.

⁴⁷ См. о них: Тогоева О. И. Карл VII и Жанна д'Арк. Утрата девственности как утрата власти // Поблекшее сияние власти. Материалы круглого стола / Отв. ред. М. А. Бойцов. М., 2006. С. 52–83; Она же. «Портрет» Жанны д'Арк на полях журнала Клемана де Фокамберга // Пространство рукописи. От формы внешней к форме внутренней / Под ред. И. Н. Данилевского, О. И. Тогоевой. М., 2009 (в печати).

⁴⁸ Подробнее см.: Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.

⁴⁹ «Во второй день святой пасхи царица возвращалась из храма святых апостолов на златой колеснице, ведомой четырьмя белыми конями, которых вели четыре патриция» (Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта // Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Приск Панийский. Сказания. Рязань, 2005. § 346 (перевод В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского).

⁵⁰ «La Pucelle fait porter son estandart, au soir, à torches devant elle, armée et montée sur un gros cheval blanc» (Le Mystère du siège d'Orléans / Ed. critique de V. L. Hamblin. Genève, 2002. P. 481).

Лондон (в качестве только что вступившей в свои права наследницы престола); в январе 1559 г. во время коронации, а также во время знаменитого визита в Тилбери в августе 1588 г.⁵¹

Однако кроме внешних знаков присвоенной власти — знаков, *визуально* превращающих их обладательницу в мужчину-правителя, существовала еще такая важная область как официальная *титулатура*, дававшая женщине возможность не только *казаться*, но и *называться* мужчиной.

Одним из наиболее ранних примеров может в данном случае служить история некоей Аристодамы (конец III в. до н.э.), поэтессы родом из Смирны, переехавшей жить в г. Ламию в Этолии. Она так успешно прославляла в своих стихах новую родину и ее жителей, что ламийцы даровали ей в конце концов почести, специально предназначавшиеся для жителей других городов. Аристодама получила гражданские права, право на владение недвижимостью и стала именоваться эвергетом (благодетелем) и проксеном (лицом, представлявшим интересы Ламии в своем родном городе). Оба эти звания в греческом языке существовали только в мужском роде, ибо предназначались только для мужчин⁵². Точно так же императрица Ирина использовала в отношении себя титул «василевс», «император» и «верный император» (а не «василисса», «императрица»)⁵³. Анна Французская считалась «королем», а не «регентшей» Франции. «Королем и королевой одновременно», «леди-сувереном» и даже «великим касиком севера» называли Елизавету Тюдор ее современники⁵⁴. А Жанна д'Арк, заняв место во главе королевских войск, обрела статус «военачальника», «капитана» и «доблестного воина»⁵⁵, т.е. также именовалась в мужском роде.

⁵¹ Дмитриева О. В. Указ. соч. С. 59, 61, 174.

⁵² Свенцицкая И. С. Указ. соч. С. 89.

⁵³ Васильев А. А. Указ. соч. С. 317; Nelson J. L. Women at the Court of Charlemagne. P. 228; Bensammar E. La titulaire de l'imperatrice et sa signification // Byzantion. 1976. Т. 46. P. 243–291.

⁵⁴ Дмитриева О. В. Указ. соч. С. 95, 129, 178–179.

⁵⁵ "Voicy ung vaillant champion et capitaine pour recupérer le royaume de France!" (Le doyen de St.-Thibaud de Metz // Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle. P., 1841–1849. 5 vol. Т. IV.

Здесь же, возможно, следует сказать и о сознательном соотношении женщин-правительниц с их предшественниками-мужчинами. Так, уже упоминавшаяся выше царица Хатшепсут, приказав украсить свой заупокойный храм изображением своей беременной матери Яхмос, подчеркивала таким образом принцип божественной теогамии (зачатия будущего фараона от бога Амона), имевший в ее случае место точно так же, как у всех ее предшественников-мужчин на египетском троне⁵⁶. Как кажется, на попытку репрезентировать себя как мужчину может указывать и мозаика, заказанная Галлой Плацидией (388–450) для абсиды базилики Иоанна Евангелиста в Равенне и представлявшая собой некую галерею римских императоров. Галла, носившая титул «августа» с 421 г. до самой смерти в 450 г. была соправительницей своего супруга Флавия Констанция и брата Гонория, а также регентшей при Валентиниане III и вполне могла ассоциировать собственное правление с «мужским» правлением своих предшественников⁵⁷. Сравнением себя с предшественниками-мужчинами на английском троне (прежде всего со своим отцом Генрихом VIII) занималась и Елизавета Тюдор: ведь именно она возобновила прерванную было традицию врачевания золотушных, на успешный исход которого до нее претендовать могли, кажется, только короли⁵⁸. Точно так же в «Записках» княгини Дашковой выбор Екатериной II мундира Преображенского полка в момент захвата власти был интерпретирован как сознательная апелляция к памяти о ее великом «предке» — Петре I:

«Замечу, кстати, что то был прежний мундир преображенцев, который они носили со времен Петра I вплоть до царствования Петра III, заменившего его мундиром прусского образца»⁵⁹.

Однако, наибольший интерес представляют, безусловно, не столько «частные» самоназвания женщин, присвоивших власть

P. 327); “Elle estoit *cappitaine et chief de guerre*” (Le greffier de la Chambre des Comptes de Brabant // Ibidem. P. 427); “Et de nos genz preux et habiles / *Principale chevetaine*” (Christine de Pizan. Ditié de Jeanne d’Arc / Ed. by A. J. Kennedy, K. Varty. Oxford, 1977. V. 285–286).

⁵⁶ Вардиман Е. Женщина в древнем мире / Отв. ред. А. А. Вигасин. М., 1990. С. 225–226; Померанцева Н. А. Указ. соч. С. 281, 284.

⁵⁷ Подробное описание мозаики см.: Грабар А. Указ. соч. С. 48.

⁵⁸ Дмитриева О. В. Указ. соч. С. 180–181.

⁵⁹ Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 44.

мужчин, сколько их *общее именование*, принятое в средневековых текстах. Известно, что мотив переодевания женщины или девушки в мужское платье/доспехи был весьма распространен в художественной и агиографической литературе того времени⁶⁰. Однако у него имелось две составляющих. С одной стороны, переодевание в мужскую одежду защищало женщину от посягательств со стороны мужчин, позволяло ей сохранить невинность и статус “*virgo*” — девственницы, посвятившей себя (и свою девственность) Богу. Агиографическая литература особенно охотно использовала этот мотив, всячески развивая тему постоянной угрозы дефлорации святых дев и их более или менее успешных попыток эту угрозу отвести. Однако отличительной чертой всех этих попыток являлось *состояние тайны*, в котором они осуществлялись: бегущие из дома от ненавистных женихов; встречающие на своем пути разбойников и готовые скорее умереть, нежели отдаться им; поступающие в мужские монастыри и там — все как одна — попадающие под обвинения в изнасиловании себе подобных и в отцовстве, эти девушки никогда не признавались в том, что являются особами женского пола. Даже грозящее им наказание (вплоть до смертной казни) не могло заставить их открыть свое истинное лицо. Это происходило лишь в конце жизни в присутствии весьма ограниченного круга лиц, либо правда становилась известной уже после смерти той или иной страдальцы посредством ее прощального письма или последней исповеди⁶¹.

Разница между агиографической моделью поведения, предполагавшей *сокрытие* тела, а вместе с ним и собственной половой идентичности, и властной моделью поведения представляется мне огромной. Женщина, узурпировавшая власть и присвоившая себе

⁶⁰ См. об этом: *Тогоева О. И.* Карл VII и Жанна д’Арк.

⁶¹ Исключение, возможно, представляла собой византийская святая Онисима, пребывавшая сначала в женском монастыре, а затем бежавшая оттуда и возглавившая общину из 400 отшельников-«восков» (пасущихся). В нарушение 13-го канона Гангрского собора (340-е гг.) Онисима носила мужскую одежду, однако пустыnnики знали, что их настоятель «по природе не мужчина, а женщина». См. подробнее: *Иванов С. А.* Блаженные похабы. Культурная история юродства. М., 2005. С. 67; *Anson J.* The Female Transvestism in Early Monasticism: the Origin and Development of a Motif // *Viator*. 1974. Т. 5. P. 1–33. Сюда же, вероятно, следует отнести и юродивую Ксению Петербургскую, ходившую в мужской одежде, но также никогда не скрывавшую своего пола: *Иванов С. А.* Указ. соч. С. 322.

ее знаки, *не скрывала* своего подлинного «Я», выставляя на всеобщее обозрение сам факт узурпации. Окружающие прекрасно понимали, что перед ними — женщина, и она не делала из этого тайны. Она открыто присваивала себе атрибуты власти мужчины, символически *становилась* им. И в этом смысле декларируемая ею порой девственность оказывалась таким же символом мужской по сути власти, как и костюм, титул и инсигнии. Таковы были «дева-воин» Камилла, Орлеанская Дева и Елизавета I, говорившая о себе, что ей будет достаточно, если на ее «мраморном надгробии будет написано, что королева... жила и умерла девственницей»⁶². Отсутствие детей, отказ от материнства представлял собой принижение женской сущности, переход к некоей андрогинности⁶³. Утрата же этой девственности (вымышленная в случае Жанны д'Арк или официально отрицаемая в случае Елизаветы I) вела к утрате власти, мужской по своему характеру⁶⁴.

Таким образом возникал совершенно иной тип женщины, нежели “virgo”, девственница. Это была “virago”, *женщина-мужчина*. Данное понятие, заимствованное из восточной литературы, прекрасно, насколько можно судить, прижилось на западноевропейской почве⁶⁵. Уже в меровингскую эпоху писатели-мужчины создали из “virago” идеальный образ женщины. Именно так называли Св. Хротильду, Св. Женевьеву, Св. Гертруду и Св. Радегонду⁶⁶. Позднее идея о мужском духе в теле женщины обыгрывалась в «Житие Св. Риктруды» (X в.)⁶⁷. «Святой virago» именовались Ма-

⁶² Дмитриева О. В. Указ. соч. С. 74–76.

⁶³ Подробнее см.: Toubert P. Op. cit. P. 258–259; Corbet P. Les saints Ottoniens. Sainteté dynastique, sainteté royale et sainteté féminine autour de l'an Mil. Sigmaringen, 1986. P. 108–110.

⁶⁴ Близкой по смыслу оказывается и история с обвинением Бланки Кастильской в развратном образе жизни и беременности. Дабы отвести от себя беспочвенные подозрения, королева, по сообщению Реймского Менестреля, якобы вынуждена была раздеться прилюдно: *Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С. 84–85.

⁶⁵ Thomasset C. Le corps féminin ou le regard empêché // Micrologus. Natura, scienze e società medievali. 1993. № 1: I discorsi dei corpi. P. 99–114, здесь P. 112.

⁶⁶ Portmann M.-L. Op. cit. S. 37–48.

⁶⁷ “Virilis tamen quod ei inerat animi robur muliebrem superavit affectum, nec passa est sibi dominari luctum mortis filiae, vel esse ibi locum tristitiae, ubi natalis celebratur vitae” (*Hucbaldus Sancti Amandi. Vita Sancti Rictrudis Batissae Marcianensis* // PL. T. 132. Col. 827–848C, здесь Col. 839–840).

рия Магдалина и ее сестра Марта, которые вели такую «активную жизнь» (*vita activa*), что и не снилась переодетым монахам девицам, смыслом всей своей жизни почитавшим сохранение пресловутой девственности⁶⁸. О Бланке Кастильской современники писали как об «отличной *virago*», которая «хотя душой и телом была женщиной, имела сердце мужчины»⁶⁹.

Развернутое объяснение данного понятия дал Ратхер Веронский (890–974) в своем “*Preloquia*”:

«Virago, т.е. мужественной, женщина была названа впервые, чтобы мужественно сражаться против грехов и быть послушной словам Господа. Мужчина в душе, но женщина во плоти, постарайся совладать со своими греховными желаниями, используя силу своего мужества»⁷⁰.

Такая активная жизненная позиция женщины-“*virago*” пугала некоторых средневековых писателей-мужчин. Так, например, автор «Книги дружеских бесед об интимных отношениях любовников», принявший ислам еврей-конверс ас-Самуо аль ибн Яхья (ум. 1180), предупреждал своих читателей:

«Существует определенная категория женщин, которые превосходят прочих в уме и тонкости обращения. В их природе много мужских черт, как, впрочем, и в их движениях, в звуке их голоса. Они вообще немного похожи на мужчин и также любят занимать активную позицию в жизни. Подобная женщина способна одолеть мужчину, если он ей это позволит... Искать таких женщин следует среди знатных, умеющих писать и читать, образованных особ»⁷¹.

Примером столь опасной, с точки зрения средневековых авторов, особы могла служить супруга Эдуарда II Изабелла Француз-

⁶⁸ De vita Beatae Mariae Magdalenaе. Col. 1431, 1489, 1497, 1501.

⁶⁹ Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 536.

⁷⁰ “*Virago enim, id est fortis, mulier vocata est in principio, ut et fortem te contra vitia et flexibilem in subiectione Domini praeceptorum esse debere memineras omnino. Vir itaque mente, mulier carne, insurgentes et tu adversus spiritum, insanos vitiorum voluptatumque tumultus forti mentis vigore stude devincere*” (*Ratherius Veronensis Episcopus. Preloquium libri sex // PL. T. 136. Col. 145–344C, здесь Col. 191A*).

⁷¹ Цит. по: Thomasset С. Op. cit. P. 112.

ская Волчица (1292–1358), добившаяся свержения короля, назначения себя регентшей при малолетнем Эдуарде III и заслужившая за это от современников прозвища «жестокой женщины» и «железной *virago*»⁷².

И, тем не менее, гораздо чаще образ жизни “*virago*” оказывался образцом для подражания, настоящим *exemplum* для других женщин. Об этом со всей определенностью говорилось в эпитафии жене императора Оттона I Аделаиде (931–999), чья святость, по мнению исследователей, покоилась не на образцовом поведении королевы, супруги и матери, но на принципах, характерных для женской святости раннего средневековья⁷³: *militia spiritualis*, аскезе и девственности, т.е. на полном отрицании женственности и обращении к образу мужчины⁷⁴. Как представляется, примерно те же принципы лежали в основе поведения Жанны д’Арк, еще одной “*virago*”⁷⁵, чью «асексуальность» не раз подчеркивали ее современники и ближайшие потомки⁷⁶.

Приведенные выше примеры свидетельствуют, что образ женщины-“*virago*” нельзя назвать маргинальным для европейской

⁷² “*Femina crudelis*”, “*ferrea virago*” (*Chronicon Galfridi le Baker de Swynebroke* / Ed. by E.M.Thompson. Oxford, 1889. P. 29).

⁷³ *Portmann M.-L.* Op. cit. S. 51; *Corbet P.* Op. cit. P. 110.

⁷⁴ “*Quo vixit more regina Adelaida Romae, / Odilo quae vidit abbas, quae scripta notavit, / Nobis haec Atala scribi jussit comitissa, / Exemplum vita sibi quo captaret in ista, / Nolle malum, sed velle bonum deducere seclum. / Regnet cum Domino semper laudanda virago, / Quae pravos vitat, justos imitarier optat*” (цит. по: *Corbet P.* Op. cit. P. 108).

⁷⁵ “*Apparuique in armis uirago et nunc Borgundos, nunc Anglicos magnis stragibus confecit. Nam quocumque iret, uictoria sequebatur eratque territori omnibus hostibus*” (*Enee Silvii Piccolominei postea Pii PP. II. De viris illustribus* / Ed. A. van Heck. Città del Vaticano, 1991. P. 72); “*Igitur, postquam Janna haec virago totius regii exercitus declarata imperatrix*” (*Philippe de Bergame // Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation T. IV. P. 526*).

⁷⁶ См., к примеру: “*Joanna, inquam, Puella, habitu pastorali induta, et quasi virili, de mandato Dei omnipotentis accessit ad regem per diversa formidabilia itinera, sine violentia, illaesa, illibata associata cum personis*” (Fragment d’une lettre écrite au dos de la précédente // *Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation. T. V. P. 100*).

культуры средних веков и Нового времени. Не исчезает он и позднее, как полагают некоторые исследователи⁷⁷. Напротив, он оказывается чрезвычайно живучим — именно потому, что служит делу *легитимации власти*, легитимации нового положения в обществе, которое “*virago*” постоянно стремится занять. Легализация женщины — будь то в искусстве, науке или политике — по-прежнему регулярно происходит через отсылки к образу мужчины, причем все чаще и чаще к образу совершенно *конкретного* человека: близкого родственника, мужа, любовника или друга.

Именно так поступает в XVII в. Мадлен де Скюдери (1607–1701), публикующая свои романы и афоризмы под именем собственного брата, поэта и драматурга Жоржа де Скюдери⁷⁸. Так же ведет себя в XIX в. Аврора Дюпен, более известная как Жорж Санд (1804–1876), заимствующая в качестве псевдонима имя любовника, вместе с которым пишет свой первый роман. Мария Склодовская-Кюри (1867–1934) становится первой женщиной-профессором Сорбонны только потому, что занимает место своего умершего мужа, и даже в ведомости заработной платы фигурирует поначалу под его, а не под своим именем⁷⁹.

Используя имя супруга, входит в политику Сиримава Бандаранаике (1916–2000), первая в мире женщина-премьер-министр, трижды становившаяся главой правительства после убийства мужа, Соломона Бандаранаике, основателя Партии свободы Шри-Ланки. Это последнее обстоятельство всегда указывается во всех официальных биографиях Сиримаво — как знак того, что притязания конкретно этой женщины на высшую власть законны и гарантированы именем покойного супруга⁸⁰. В той же символической системе, с той же отсылкой к авторитету умершего или все еще живущего родственника-

⁷⁷ Обзор историографии на эту тему см. в: *Репина Л. П.* Гендерная иерархия и «власть женщин» // *Искусство власти*. С. 486–504.

⁷⁸ *Стогова А. В.* Женщины и салоны в интеллектуальной культуре Франции XVII–XVIII в. (доклад на конференции «Гендер и власть в истории», 18 июня 2007 г., ИВИ РАН, Москва).

⁷⁹ *Фетисова Н. Ю.* Репрезентация женщины в научной и художественной литературе 1920–1930-х гг. во Франции (доклад на конференции «Гендер и власть в истории», 18 июня 2007 г., ИВИ РАН, Москва).

⁸⁰ *Carpenter C.* *The Guinness Book of Kings, Rulers and Statesmen*. L., 1978. P. 229; Бандаранаике, Сиримаво // <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

мужчины выстраивают отношения с властью и народом Индира Ганди (1917–1984), занявшаяся политикой в 1964 г., после смерти своего отца, Джавахарлала Неру, первого премьер-министра Индии; Беназир Бхутто, дочь убитого лидера Пакистана Зульф리카ра Али Бхутто; Глория Макапагал-Аройо, президент Филиппин — не только дочь Диосдадо Макапагала, исполнявшего те же функции в 1961–1965 гг., но и однокурсница Билла Клинтона; Кристина Фернандес де Киршнер, недавно сменившая на посту президента Аргентины собственного мужа, Нестора Киршнера.

Впрочем, последний пример свидетельствует и о некоторых изменениях, происходящих с “*virago*” буквально на наших глазах. Отныне не только смерть отца или мужа может привести в политику ту или иную женщину: ее собственных амбиций, как в случае с Хилари Клинтон или Ангелой Меркель, бывает теперь вполне достаточно. Для самоутверждения в этом ранее чуждом для нее мире женщине уже не нужно прикладывать столько усилий, как ее предшественницам. Она не чеканит золотых солидов с собственным изображением, не ездит верхом на белых конях и не становится во главе войска в момент национальной опасности в полном боевом доспехе. И хотя брючный костюм по-прежнему остается излюбленной формой одежды современной женщины-политика, это, пожалуй, единственное, что еще долго будет напоминать нам о том, что когда-то она узурпировала свою власть у мужчин...

Тогоева Ольга Игоревна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
Тел.: 7 (495) 938–50–32;
E-mail: togoeva@yandex.ru